

Новая любовь

Великий Князь Сергей боготворил свою возлюбленную балерину, она же относилась к нему с равнодушием. Да, она была благодарна ему уже за то, что он поддержал её после разлуки с Никки, он баловал её, исполняя все мыслимые и немыслимые прихоти, впрочем, она позволяла ему это, принимая подношения, как нечто само собой разумеющееся, он был допущен в святая святых, так чего ему еще нужно?

Чувства Матильды оживились, когда она поняла, что начала снова влюбляться. Великий Князь Андрей Владимирович был моложе Кшесинской на семь лет. Впрочем, это не смущало ни его, ни ее. Оба были влюблены и счастливы.

«С каких это пор ты стала увлекаться мальчиками?», – поддразнивала Матильду Мария Потоцкая². То и дело его видели в театре у Кшесинской, осенью любовники планировали совместное путешествие по Биаррицу. То есть, разумеется, они не могли в открытую выехать вдвоём. Сперва Андрей должен был отправиться в Севастополь для осмотра исторических мест, куда он был приглашён Великой Княгиней Ксенией Александровной в их имение Ай-Тодор. Из Севастополя на пароходе, он должен был поехать в Константинополь, откуда через Париж и, наконец, в Биарриц, где они и встретятся.

---

¹ Продолжение. Начало в журнале «На русских просторах» № 3(30) за 2016 год.

² Мария Александровна Потоцкая (1861–1940) – русская советская актриса. Заслуженная артистка Республики (1929).

Отпуск пролетел мгновенно, домой Кшесинская возвращалась одна. Что поделаешь, вечная доля тайных жён от всех скрываться, да ещё и скучать всю дорогу. Ничего, в следующий раз, нужно будет просто захватить с собой верную подругу. А то действительно, вдруг встретишь знакомых, как тогда объяснить, отчего незамужняя Кшесинская путешествует совсем одна?

Эта никому не нужная скрытность привела к тому, что за Кшесинской начал ухаживать, должно быть, не подозревая об отношениях сына с балериной, отец Андрея, Великий Князь Владимир Александрович. Матильда знала его много лет и всегда считала своим другом, теперь же положение становилось двусмысленным.

Отработав летний сезон, Кшесинская решила показать Андрею Италию. Для конспирации следовало выехать в разные дни и разным транспортом, в идеале, ещё и в разные стороны, с тем, чтобы встретиться затем в Венеции. Для этого путешествия Матильда выбрала себе в компаньонки жену брата, Симу, которая была осведомлена о необходимости держать всё в строжайшем секрете. В Италию ехали, разумеется, через Париж, так как там проходила Всемирная выставка – событие, которое просто невозможно пропустить, кроме того, нужно было заказать себе несколько платьев, а уж потом в Венецию.

Несколько дней они просто отдыхали, катались по каналам, обедали в маленьком ресторанчике «Иль Вапоре», где подавали традиционные итальянские блюда и вино кьянти. После Венеции путь их лежал в Падую, где Кшесинская навестила могилу Святого Антония Падуанского, как делала каждый свой приезд. Далее путешественников ждал Рим, где они собирались провести несколько недель. Обратный же путь лежал через Ассизи, Перуджу, Флоренцию, Пизу и Геную. И затем снова Париж.

Здесь, Матильда внезапно почувствовала себя нехорошо, был вызван доктор, который диагностировал беременность. Срок невелик – всего месяц. Но впереди был тяжёлый театральный сезон 1901–1902, а ведь она понятия не имела, как будет переносить беременность. С другой стороны, если прекратить работать прямо сейчас, уехать чтобы никто ничего не знал, все роли отдадут другим танцовщицам, и уж тогда не жди их обратно.

Добавьте к этому, что она не знала, как к её беременности отнесутся Император и Великий Князь Сергей. Впрочем, пока всё было нормально, и она решила – пусть всё идет, как идёт; если почувствует себя плохо, просто возьмёт отпуск по состоянию здоровья.

Первую часть сезона она танцевала «Эсмеральду», «Дочь фараона», «Спящую красавицу», «Конька-Горбунка» и «Пахиту». Полагая, что сможет скрывать беременность, по крайней мере, первых пять месяцев, 21 января 1902 года Кшесинская выступила в балете «Дон Кихот Ламанчский», поставленном Горским³, на прощальном бенефисе Христиана Петровича Иогансона⁴. В последний раз Кшесинская выступила в театре 10 февраля снова в «Дон Кихоте», и через 5 дней в эрмитажном спектакле для членов Императорской фамилии и лиц, приглашённых от Двора.

Уходя в отпуск, она передала Анне Павловой балет «Баядерка». Юная балерина пользовалась особым покровительством всеильной Матильды. Мы ещё поговорим об этом, когда доберёмся до биографии Анны Павловой. Чтобы помочь Павловой изучить балет, Кшесинская репетировала с ней его целиком, показывая все движения. Павлова одновременно проходила «Баядерку» с Е.П.Соколовой⁵. Неизвестно, чьё участие было для неё более ценным на самом деле, но в своих воспоминаниях Павлова не посчитала нужным отметить помощь, оказанную ей Кшесинской в работе над этим балетом.

Рождение сына

Рожать она решила в Стрельне, подальше от любопытных. Но в нужный момент 18 июня её личного доктора не оказалось в городе и пришлось вызвать ассистента профессора Отта, доктора Драницына, который вместе с личным доктором Великого Князя Михаила Николаевича, Зандером, принимал ребёнка. Роды оказались очень тяжёлыми, врачи не знали, кого спасти мать или дитя, но в результате оба выжили.

Некоторое время после родов Матильда провалялась в горячке, после чего к ней навещался Сергей. «Он отлично знал, что не он отец моего ребёнка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на всё,

---

³ Александр Алексеевич Горский (6 августа 1871, Петербург – 20 октября 1924, Москва) – русский артист балета, балетмейстер, заслуженный артист Императорских театров (1915).

⁴ Христиан Петрович Иогансон (8(20) мая 1817, Стокгольм, Швеция – 30 ноября (12) декабря 1903, Санкт-Петербург, Российская империя) – артист Санкт-Петербургского балета, педагог, представитель французской школы, так называемой «belledanse».

⁵ Евгения Павловна Соколова (1850–1925) – русская артистка балета, педагог.

остаться при мне и ограждать меня как добрый друг. Он боялся за моё будущее, за то, что может меня ожидать. Я чувствовала себя виноватой перед ним, так как предыдущей зимой, когда он ухаживал за одной молоденькой и красивой Великой Княжной и пошли слухи о возможной свадьбе, я, узнав об этом, просила его прекратить ухаживание и тем положить конец неприятным для меня разговорам. Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчёта, как я виновата была перед Великим Князем Сергеем Михайловичем».

Теперь следовало решить, как назвать новорожденного. Сама Матильда мечтала, что когда-нибудь будет называть сына Никки, но такое имя могло вызвать неправдоподобные слухи об отцовстве Государя. На этот период времени Князь Андрей временно устранился из её жизни, так что она не могла даже дать ребёнку его отчество, не навлекая на себя новых бед. В результате решили так. Ребёнка будут звать Владимиром, в честь отца Андрея, отчество же дал Сергей Михайлович.

Крёстными ребенка стали сестра Юлия и полковник Сергей Андреевич Марков, служивший в Лейб-Гвардии Уланском Её Величества полку. В этот день Великий Князь Владимир Александрович подарил внуку чудный крест из уральского темно-зелёного камня с платиновой цепочкой.

Через два месяца после родов, 16 августа 1902 года Кшесинская уже танцевала в Петергофе на парадном спектакле по случаю свадьбы Великой Княгини Елены Владимировны с Королевичем Николаем Греческим. Да, разумеется, она пополнела, но это её нисколько не портило.

В этом же году Юлия ушла в отставку и вышла замуж за барона Зедделера.

Жизнь текла своим чередом, с маленькими радостями и небольшими огорчениями. Сын рос здоровеньким и не доставлял особых хлопот, по праздникам он получал подарки от Великих Князей, и всех, кто хотел почтить своим вниманием балерину Императорских театров Кшесинскую. Однажды перед сном колыбельную маленькому сонному Вове пропел сам Собинов⁶, заглянувший на огонёк в гостеприимный дом Матильды Феликсовны.

В начале 1903 года Кшесинскую пригласили на все шесть недель Великого Поста в Вену, где она должна была теперь танце-

⁶ Леонид Витальевич Собинов (7 июня 1872, Ярославль – 14 октября 1934, Рига) – русский оперный певец (лирический тенор), народный артист Республики (1923), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

вать «Коппелию» и выучить с венскими артистами новый для неё балет «Эксцельсиор» в постановке венского балетмейстера, технически очень сложный.

По наблюдениям современников Кшесинская бралась за самые трудные роли и с радостью соглашалась танцевать как в классических, так и в современных балетах, постоянно пробуя себя в разных ситуациях и техниках. Она любила эксперименты, поэтому в дальнейшем мы будем видеть её как в классических балетах Петипа, так и в авангардных балетах Фокина.

Гастроли начались в середине февраля. От театра пригласили Кшесинскую и её обычного партнёра Николая Легата, также поехала Ольга Боркенгаген и Любовь Егорова. Кшесинская была очень довольна таким актёрским составом, так как во время поста, когда спектаклей в театре нет, она рассчитывала поработать с Легатом над своей техникой. После последних уроков с Чекетти ей стало казаться, что чеканная итальянская техника исполнения немного загрузила её манеру двигаться. Егорова тоже брала уроки у Легата, поэтому её это также устраивало. Теперь можно было и хорошо заработать, и одновременно осуществить задуманное.

В театре их ждал неожиданный и приятный сюрприз: выстроившаяся к их приезду труппа во главе с балетмейстером встретила наших артистов овацией. Это сразу же положило начало дружеским отношениям.

Всё шло очень хорошо, каждый день театр набивался публикой, на сцену несли цветы, а в один из дней стало известно, что в театр прибыл Император! Оказалось, что в Вене это настоящее событие, потому как Император не любит балет. Появление в их стенах монарха было приписано гастролирующим там русским артистам.

Прощаясь с Кшесинской, дирекция театра вручила ей памятную медаль в память её выступления в Вене в Королевском театре.

В общем, гастроли прошли, что называется, на «ура»!

В Вене Кшесинскую ждал ещё один приятный сюрприз, проездом там оказался Великий Князь Владимир Александрович, который остановился в той же гостинице, что и наши актёры, и как-то даже разделил с Матильдой утренний кофе.

А потом её пригласили на большой бал, где она много танцевала и отказалась только исполнять знаменитый венский вальс, так как не была уверена, что сделает это идеально. А ведь ей – приме-балерине – не пристало вдруг оказаться в чём-то хуже

других. В свободное от работы время Кшесинская дала пресс-конференцию для журналистов, а потом ещё посетила спектакль знаменитой Айседоры Дункан. Последняя ей очень понравилась: «Её танец привёл меня в восторг. Она танцевала босиком, очень много работала над своим искусством и вполне им владела. В своих танцах, и особенно в своих позах, она выглядела совершенно как античная статуя. Её венский вальс в красном костюме так меня увлёк, что я даже встала на стул и начала кричать во весь голос, вызывая её».

В Вене Кшесинская получила предложение поехать на гастроли в Америку. Путешествие обещало быть очень интересным, в то время в Штатах ещё не знали русского балета, и, отработав там хотя бы один спектакль, Кшесинская могла навсегда войти в историю, как первая русская балерина, покорившая Америку, но она отказалась, так как не желала надолго расставаться с сыном и любимым человеком. Зато поехала в Москву, где понадобилось срочно заменить балерину Рославлёву⁷ в «Дон Кихоте».

С одной стороны, Кшесинская уже танцевала этот балет, и ей было нечего бояться. С другой, существовали различия между Петербургским и Московским вариантами этой постановки. Вариацию первого действия, к примеру, Кшесинская танцевала в более быстром темпе, чем это было принято в Москве. При этом её сразу же предупредили, что капельмейстер страшно упрям и делает всё по-своему, поэтому Кшесинской пришлось приложить всё своё умение улаживать отношения с людьми, так что, в конце концов, «тиран и деспот» согласился всё сделать по её желанию.

Впервые её выход на сцену не сопровождался аплодисментами, и это было странно. В Петербурге её радостно встречали, даже когда она была начинающей актрисой. Впрочем, после её вариации в быстром темпе зал взорвался восторгом.

Семейная жизнь Матильды Кшесинской

Каких бы сплетен ни придумали о Матильде Феликсовне, в любых жизненных ситуациях она оставалась прекрасной матерью; её дом был полной чашей, ребёнок рос весёлым и счастливым. Оказалось, что она, как и её любимый незабвенный Никки, бесконечно предана идеалам семьи.

---

⁷ Любовь Андреевна Рославлева (25 июня (7 июля) 1874 – 22 ноября 1904, Цюрих, Швейцария) – балерина Большого театра из дворянского рода Рославлевых. Жена актёра П. М. Садовского (1874–1947).

Андрей жил на два дома – у неё и у себя, – но эта двойственность была ими принята, как единственное условие их союза.

Что же до брачного венца, тут Матильда всё равно не могла ничего поделывать, и оттого ждала в надежде, что что-нибудь изменится.

Кроме того, её не оставлял своим вниманием и заботой Сергей. Он обожал ребёнка, всегда поддерживал Матильду, и – что немаловажно – через него балерина могла обратиться непосредственно к царю, минуя неспешную канцелярию. Продолжал бывать у нее и дедушка Вовы – Великий Князь Владимир Александрович. «Он мне дарил прелестные вещи: то красивую вещицу для украшения комнат, то пару Великолепных ваз из вещей Князя Воронцова, а на Пасху всегда присылал огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже. Раз он мне прислал браслет с привешенным к нему сапфиром». Одна из возможных причин такого внимания к ней Владимира Александровича заключалась в том, что он боялся, как бы Андрей и Сергей, столкнувшись у Кшесинской, не наделали глупостей. Впрочем, все знали, что он и сам влюблён в Матильду.

Во время сезона 1903–1904 Кшесинская решила просить администрацию театра об увеличении жалования артистам балета. Спросите, зачем женщине, которой покровительствует царский двор, понадобилось обивать пороги в поисках лишних трёх тысяч? В результате её оклад с 5000 рублей в год действительно повысился до 8000. Но ведь не всем везёт так же, как Матильде. Кшесинская добивалась прибавки не только для себя, но и для остальных, для всех, без какого-то исключения. К слову, для тех, кто ради этой самой прибавки пальцем не шевельнул, и, кстати, никто из них не сказал ей за это даже спасибо. Мало этого, сторонники её бывшей подруги Преображенской начали специально ошикивать выступления Кшесинской. Это было очень обидно. В довершение всего враги начали обвинять саму Кшесинскую в интригах, из-за которых в театре невозможно работать.

Понимая, что она не может пользоваться тем же оружием, с которым выступали против неё, Кшесинская начала подумывать о прекращении своей сценической деятельности. А что? В театре она сделала, возможно, даже больше, чем другие. Участвовала в совершенно разных спектаклях, работала с разными балетмейстерами. Настало время пожить для себя и сына.

Оставалось дать прощальный бенефис, который в результате и был назначен на 4 февраля 1904 года. В конце января, как раз

перед запланированным бенефисом, вспыхнула японская война. Но в первые дни положение было ещё неясное, и ничто не помешало провести бенефис с блеском.

Кшесинская протанцевала два первых акта из «Тщетной предосторожности», куда Матильда вставила па-де-де, в котором дебютировала на сцене в 1890 году, будучи ещё ученицей. Она сделала 32 фуэте с неподражаемой легкостью, и тут же повторила их на бис. «В этот вечер у меня была сверхъестественная сила. В своё время писали, что я первая после Ленъяни ими овладела. Старый Гельцер, нарочно приехавший из Москвы для меня, великолепно провел роль Марцеллины, и его участие в моём бенефисе глубоко меня тронуло».

Далее шли 2-я картина 1-го действия «Лебединого озера», картина лебедей, где под конец королева лебедей медленно удаляется на пальцах, спиной к зрителям, поднимаясь на горку, как будто прощаясь с публикой.

По окончании вечера, Кшесинской на голову был возложен золотой лавровый венок, на каждом из листков которого было выгравировано название балета, в котором она выступала.

Молодежь выпрягла лошадей из кареты Кшесинской, после чего саму карету подняли, и на руках донесла до дома.

Закончив свой бенефис, Кшесинская отправилась в Москву поучаствовать в бенефисе Кати Гельцер, который состоялся 6 февраля. Конец карьеры – это одно, а дружба и взаимовыручка – совсем другое.

Летом Россия отмечала рождение Наследника престола. Кшесинская же уехала на дачу, где проводила всё время в компании любимого сына. Она совсем было уже забыла о балете, не надеясь когда-либо выйти на сцену, но, как выяснилось, балет не собирался забывать про неё.

Со временем, стало понятно, что интриги, в которых обвиняли Кшесинскую, процветают в театре и после её ухода. К слову, их стало только больше, потому что прежде авторитет «царской ведьмы», как за глаза называли нашу героиню, не позволял особенно распускать языки. Теперь же не было той силы, которая могла их удержать. Кроме того, одна только Кшесинская могла в любой момент связаться с Государем и попросить его сделать что-то для театра. Ни до неё, ни после неё, никто такой власти не имел.

Так что, неудивительно, что летом на её даче появился новый Директор Императорских театров Теляковский, который умолял балерину вернуться. Кшесинская была непреклонна. Впрочем,

приблизительно через полгода она изменит своё решение и выйдет в балете «Брама» на бенефисе Ширяева⁸, который её об этом просил лично. Бенефис состоялся 12 декабря 1904 года.

Публика приняла Кшесинскую с восторгом, дирекция умоляла, чтобы балерина снова поступила на службу, но та согласилась выступать только в статусе гастролёрши без контракта. «Я хотела остаться совершенно свободной и танцевать только тогда, когда хотела и сколько хотела. Я объяснила Директору, что никакой контракт не сможет меня связать, и никакая неустойка меня не запугает. Если бы даже я подписала контракт, я его все равно могла бы нарушить. На условиях гастролёрши без контракта я вернулась на сцену и служила до самого конца. Правда, я обещала Директору быть всегда готовой оказать услугу, если смогу, и моему слову верили».

Кшесинская и заграница

9 января 1905 года Гапон повёл рабочих к царю. В городе было беспокойно, по улицам ходили патрули. Было понятно, что прежний мир уже не вернётся.

Впрочем, работа есть работа, и вот уже простуженная Кшесинская с высокой температурой едет в Москву на бенефис Гримальди, забыв про настоятельные рекомендации полиции лишний раз не выходить на улицу, так как понимает, подменить её некем, а значит – к чёрту революции, к чёрту собственное недомогание. Она должна танцевать, и она будет танцевать, как обещала или сдохнет.

Следующая гастрольная поездка в Варшаву оказалась последней поездкой с отцом. Они танцевали балет «Эсмеральда». Феликс Иванович играл по обыкновению роль синдика – Клода Фролло, а все остальные артисты были из местной балетной труппы. Летом 3 июля 1905 года в возрасте 83 года он скончался в своём имении Красницы.

Его тело вместе с останками его матери Кшесинская перевезла и похоронила в Варшаве, согласно последней воле покойного.

Потеря отца была страшным ударом для обожавшей его Матильды, поэтому закончив с похоронами, которые Польша устроила своему Великому сыну, Кшесинская забрала Вову и поселилась

⁸ Александр Викторович Ширяев (10 сентября 1867, Санкт-Петербург – 25 апреля 1941, Ленинград) – русский и советский танцовщик, балетмейстер, преподаватель, сочинитель характерного танца, один из первых режиссёров кино- и мультипликационных фильмов. Заслуженный артист Республики (1921).

в Каннах в гостинице «Дю Парк» за городом, где её уже ждал Андрей.

Стояла глубокая осень, туристический сезон закончился, всё опустело, это полностью соответствовало глубокому трауру, в котором прибывала Кшесинская, но одновременно с тем, это и давило не проходящей печалью.

Гостиница пустовала, ночью слуги уходили на свою половину, трёхлетнего Вову нужно было рано укладывать спать, а Андрей, как на зло, уехал по своим делам, так что ночью Матильда слушала завывания ветра, похожие на стенания привидений, находясь в полном одиночестве.

Не выдержав, она выписала из России сына артистки балета Александровой и князя Долгорукова – Мишу, с которым можно было хотя бы в карты поиграть. Когда же приехал Андрей, посоветовавшись, они выписали из Санкт-Петербурга почти всю прислугу Кшесинской и, пока те не приехали, даже пытались готовить сами.

Мирная семейная жизнь продолжалась до весны 1906, когда Андрей был неожиданно вызван в Петербург. Поняв, что теперь ей предстоит жить без него, Кшесинская собрала вещи и отправилась за любимым. Несмотря на революционные настроения, ничто не предвещало глобальной катастрофы, и Матильда решила, что хочет не просто обустроить старый дом, а построить новый. К слову, Вова занимал одну комнатку, у самой Матильды были гостиная и спальня, остальные помещения занимала прислуга, а это означало, что, если в доме появится ещё один младенец, или, если сын вырастет и захочет привести в дом невесту, их будет попросту некуда поселить. Кроме того, старый дом требовал капитального ремонта, на который ушла бы уйма денег.

Для постройки нового дома, Кшесинская выбирает угол Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы. Местечко было зелёным и приятным, по соседству только деревянные домики с садами. Кроме того, рядом не было никаких фабрик или заводов, следовательно, чистый воздух.

Постройку дома она поручила архитектору Александру Ивановичу фон Гогену⁹. При этом Кшесинская сразу же расписала архитектору, какие комнаты и для какого назначения ей нужны,

---

⁹ Александр Иванович фон Гоген (12 августа 1856, Архангельск – 6 марта 1914, Санкт-Петербург) – петербургский архитектор периода эклектики. Крупнейшие проекты – городская мечеть, музей Суворова, здание Николаевской академии, особняк Кшесинской.

мало этого – она сама наметила, как будет выглядеть внутренняя отделка комнат. «Зал должен был быть выдержан в стиле русского ампира, маленький угловой салон – в стиле Людовика XVI, а остальные комнаты я предоставила вкусу архитектора и выбрала то, что мне более всего понравилось. Спальню и уборную я заказала в английском стиле с белой мебелью и кретоном на стенах. Некоторые комнаты, как столовая и соседний с нею салон, были в стиле модерн».

Мебель обещал сделать Мельцер¹⁰, а обстановку, для комнат прислуги и хозяйственных помещений, она поручила крупной фирме Платонова. Все бронзовые предметы для зала ампира и салона Людовика XVI, – люстры, бра, канделябры, дверные и оконные ручки, запоры и шпингалеты, а также все ковры и материал для обивки мебели – были заказаны в Париже. Стены салона обтянули жёлтым шёлком.

Дом был построен очень быстро, так что к Рождеству 1907 года Матильда уже справляла новоселье.

В том же году, Кшесинская участвует в балете Фокина «Евника», влияние на которой оказала Айседора Дункан. Новым партнёром Кшесинской на Фокинских балетах сезона 1907–1908 годов стал юный Вацлав Нижинский. Матильда Феликсовна приметилла Нижинского ещё на выпускном спектакле и сразу же поняла, что именно о таком партнёре мечтала.

Но на ближайшие гастроли в Парижской опере он не смог поехать с Кшесинской, так как был болен. Матильда же участвовала в балете «Коппелия» и специально разучивала балет «Корриган». По окончании гастролей французское правительство наградило её серебряными Академическими пальмами.

Меж тем, Кшесинская задумала совершенно великолепное зрелище – пригласить всех балерин и лучших солисток принять участие в гран-па в балете «Пахита». «Обыкновенно это па танцевали балерина и лучшие солистки, но, чтобы придать ему особый блеск, я пригласила А.Павлову, Т. Карсавину, О. Преображенскую, В. Трефилову¹¹ и других лучших танцовщиц.

---

¹⁰ Роберт-Фридрих (или Роман Фёдорович) Мельцер (20 марта (1 апреля) 1860 – май 1943) – русский архитектор и художник, работавший по заказам императорского двора. У него была своя мебельная фабрика.

¹¹ Трефилова Вера Александровна (в некоторых источниках Иванова; 8 октября 1875, Владикавказ – 11 июля 1943, Париж) – русская балерина и педагог, артистка Мариинского театра в 1894–1910 годах, в 1921–1926 годах выступала с Русским балетом Дягилева.

Это было совершенно исключительное представление, выход каждой артистки сопровождался громом аплодисментов. В обыкновенных представлениях вариацию танцует только балерина, но для этого раза я просила каждую станцевать вариацию по своему выбору. Конечно, это придало ещё больше блеску, так как у каждой артистки была своя выигрышная вариация, в которой она могла пленить».

После спектакля, который оказался совершенно триумфальным, Кшесинская пригласила дам на ужин у Кюба. Чтобы никто не был выделен, она заранее заказала круглый стол, кроме того, весь ужин до подачи кофе мужчинам запрещалось подсаживаться или даже подходить к их дамскому столу. И только когда подали кофе и шампанское, такое право им было предоставлено. Во время ужина один из гостей взял тарелку работы Фаберже, и начал ходить с нею по залу, собирая серебряную и медную мелочь, у кого сколько нашлось. В конце ужина эту тарелку с припаянными к ней монетами подарили Кшесинской как памятный подарок.

Первый сезон Дягилева в Париже был оперный, второй балетный. Предполагалось, что спонсором сезона мог бы выступить Великий Князь Владимир Александрович, но он скончался 4 (17) февраля. По словам Андрея, который видел отца за два дня до смерти, тот был бодр и весел, ничто, как говорится, не предвещало беды. Поняв, что Кшесинская при таком раскладе не поможет с финансированием, Дягилев решил сделать акцент сезона на новом балете, ярким представителем которого была Павлова. Таким образом, на первый план выдвинулась «Жизель», Кшесинской он мог предложить только незначительную роль в балете «Павильон Армиды», так что она не согласилась на поставленные условия и пропустила этот сезон. О спонсорах тоже не заботилась, раз сама не участвовала. Дягилев обиделся, как курсистка. Кшесинская приняла это со спокойствием делового человека.

Впрочем, Кшесинская в том же году поедет в Париж, но уже по совершенно другому контракту. На этот раз Матильда решилась на новаторский поступок. Всем известно неписанное правило, согласно которому в балет одного композитора нельзя вставлять музыку другого. Матильда убедила дирекцию театра пойти на этот шаг, и балет «Корриган», проходил с вариацией из «Дочери фараона» на музыку Цезаря Пуни¹². Публика встретила нововведение

¹² Цезарь Пуни, урождённый Чезаре Пуни (итал. Cesare Pugni; 31 мая 1802, Генуя, Сардинское королевство – 14 [26] января 1870, Санкт-Петербург, Российская империя) – итальянский композитор, работавший в театрах Милана, Парижа, Лондона и Санкт-Петербурга. Автор 312 балетов, 10 опер, 40 месс, а также симфоний, кантат и других сочинений.

с восторгом, так как это обогатило балет и показало солистку в более выгодном свете. По завершению гастролей Кшесинская получила памятную медаль с изображением Оперы на память.

20 лет на сцене. Лондонские впечатления

13 февраля 1911 года Матильда Кшесинская справляла своё двадцатилетие на сцене, и по этому поводу был дан бенефис, на котором присутствовала вся царская семья. В программе первое действие балета «Дон Кихот», сплошь состоящее из испанских танцев. Далее 3-е действие балета «Пахита» и 2-е действие балета «Фиаметта», которое она особенно любила. «В первом антракте Директор Императорских театров Теляковский передал мне Царский подарок по случаю моего юбилея. Это был бриллиантовый орёл продолговатой формы Николаевских времён в платиновой оправе и на такой же цепочке для ношения на шее. На обратной стороне не было видно гнезда от камней, как это обыкновенно делается, а всё было сплошь заделано платиновой пластинкой по форме орла и на ней выгравировано очертание орла и его перьев замечательно тонкой и оригинальной работы. Под орлом висел розовый сапфир, оправленный в бриллианты». Она надела подарок и танцевала с ним па-де-де в «Пахите». Андрей подарил ей бриллиантовый обруч на голову с шестью крупными сапфирами.

Меж тем, в воздухе уже витала непонятная тревога.

В то время, когда государь находился в Киеве, полиция получила предупреждение о готовящемся теракте. Покушение должно было произойти 3 сентября на опере «Петушок, золотой гребешок», которую он действительно собирался посетить. Вместе с государем на этом спектакле собирались быть председатель Совета Министров П.А. Столыпин¹³, министр финансов граф В.Н. Коковцов и значительная часть свиты Государя, в том числе и Великий Князь Андрей.

С утра были получены тревожные сведения от полиции, будто в Киев приехали террористы, и есть опасность покушения, если злоумышленников не удастся вовремя арестовать. Но, кроме одного единственного сообщения от полицейского осведомителя Бо-

¹³ Пётр Аркадьевич Столыпин (2 [14] апреля 1862, Дрезден, Саксония – 5 [18] сентября 1911, Киев) – государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, Гродненского и Саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра.

грова¹⁴ о готовящемся покушении никто ничего не знал. В конце концов, было решено, что спектакль состоится, но полиции, в том числе в штатском на нём будет повышенное количество. На входе проверяли зрителей, не собирается ли кто-то пронести в зал оружие. Все театральные гримёрки, все реквизиторские и иже с ними были тщательным образом проверены. Сам Богров присутствовал в театре, так как знал террористов в лицо и мог опознать их и задержать.

В результате Столыпин был застрелен. И застрелен именно Богровым, которого как сотрудника полиции, принимающего участие в операции по обезвреживанию террористов, никто и не подумал обыскивать.

В 1911 году происходит примирение Кшесинской и Дягилева, и он приглашает её выступить в Лондоне в Ковент-Гарден, где дадут балет «Карнавал», два акта «Лебединого озера» и па-де-де из балета «Спящая красавица». Кшесинская будет танцевать с Вацлавом Нижинским, сначала в Ковент-Гарден и затем уже в 1912 в Вене, Будапеште и в Монте-Карло.

Перед отъездом в Лондон сын знаменитого ювелира Агафон Фаберже¹⁵, должно быть, памятуя историю с позабытым саквояжем, посоветовал Кшесинской не везти драгоценности лично, а поручить их фирме переправить сокровища в Лондон, в их тамошний магазин, где они будут в полной безопасности. Разумеется, все драгоценности были предварительно застрахованы. После чего список вещей был переписан в двух экземплярах, один для владелицы, другой для фирмы Фаберже; каждая вещь в списке стояла под определенным номером. Схема проста, когда Кшесинской понадобятся какие-то определенные вещи, ей нужно только позвонить в магазин и назвать номера. Агент-детектив привозит заказанное в назначенный час, и затем забирает их обратно. Если вещи нужно оставить в грим-уборной, он будет сидеть у дверей, никого туда не пуская и никого не выпуская. Удобно.

---

¹⁴ Дмитрий Григорьевич (Мордко/Мордехай Гершкович) Богров (29 января [10 февраля] 1887 – 12 [25] сентября 1911, Киев) – российский анархист еврейского происхождения, секретный осведомитель охранного отделения (агентурная кличка Аленский), в 1911 году лично осуществивший покушение на жизнь П. А. Столыпина.

¹⁵ Агафон Карлович Фаберже (24 января (5 февраля) 1876, Санкт-Петербург, Российская империя – 20 октября 1951, Хельсинки, Финляндия) – российский ювелир, выдающийся коллекционер^[2], сын знаменитого ювелирного мастера Петера Карла Густавовича Фаберже, создателя ииц Фаберже. Один из наиболее известных российских филателистов

В такое долгое путешествие Кшесинская направляется не только с сыном. Их сопровождает гувернантка Вовы мисс Митчел, горничная и театральная портниха. Андрей ехал другим поездом и не мог развлечь её дорогой. Впрочем, Кшесинскую в этом путешествии сопровождал друг семьи Горш и детский доктор Мильк, так как мальчик имел досадную особенность заболеть в дороге.

Это путешествие, как на грех, изобиловало приключениями. Во-первых, Кшесинская забыла дома сумочку с ключами от всего своего багажа. За сумочкой послали авто, но к отбытию поезда всё равно не успели. Далее выяснилось, что впереди произошла авария, проехать невозможно, поэтому их вагон прицепят к другому поезду, и довезут до Кале, откуда придётся добраться до Дувра морским путем. Как назло, Горш панически боялся моря, и как раз в этот день на море разразился самый настоящий шторм. Ожидать отплытия парохода пришлось в Остенде, где им была выделена гостиница. На место путешественники прибыли под проливным дождем, причём ветер был таким сильным, что не только нельзя было открыть зонтов, но и временами приходилось держаться за фонарные столбы, чтобы не упасть. Из-за непогоды было темно как ночью, фонари почти не горели. Несмотря на это пароход взял пассажиров и благополучно отбыл. Согласно условиям контракта на следующий день Кшесинская должна была танцевать в первом спектакле, и никакие стихийные бедствия не могли помешать приме-балерине это сделать.

На пароходе с Горшем случилась истерика. Когда же они, наконец, прибыли в порт, таможня запросила ключи от багажа для обычного досмотра. Ключей, разумеется, не было. Конечно, их выслали, и они должны были прибыть по почте, можно было оставить багаж и его доставили бы в отель после осмотра. Но в сундуках были не только личные вещи Кшесинской и её сопровождающих, в них были упакованы её театральные костюмы и обувь! Иными словами, гастроли находились под угрозой срыва, когда таможенники проявили неслыханную доброту и попросили балерину дать им честное слово, что она не провозит в своем багаже ничего запрещённого. После того, как та поклялась, что не везёт ничего, кроме костюмов и личных вещей, их всех отпустили с миром.

В довершение несчастья Вова сильно простудился, а сопровождающий их доктор Мильк нанимался только сопровождать малыша до Лондона. Пришлось искать другого детского врача. Врач оказался добрым и очень понравился мальчику, вместе с собой он привёз новую няню, которой и выдал все необходимые инструк-

ции. И что бы вы думали, первым делом эта особа распахнула окно в комнате с простуженным ребенком!

Как русские лечат от простуды? Поят чаем с малиной и мёдом, дают пропотеть под тёплыми одеялами. В Англии давно уже лечили простуды закаливанием. Вопреки ожиданию, этот варварский метод подействовал, и мальчик перестал подхватывать простудные заболевания.

Были и другие традиции и правила, которые показались нашим героем странными, к примеру, к обеду дамам предписывалось выходить в вечерних платьях, мужчины же надевали фраки. Пришлось заказать фрак и для Вовы, так как тот настолько проникся идеей принаряжаться перед обедом, что начал запихивать в штаны салфетку, которая развевалась как фалды фрака.

Увидев в первый же обед на Кшесинской скромный бриллиантовый браслет по цене, не уступающей стоимости гостиницы, в которой она остановилась, директор пришёл в ужас и сообщил постоялице, что администрация не несёт ответственности за хранение вещей в номерах. И либо она будет отсылать свои драгоценности в магазин, либо пусть кладёт в несгораемый шкаф. В то время как раз Кшесинская собиралась на ответственный обед, для которого попросила дирекцию магазина прислать ей диадему. Опасаясь, что вещь непременно похитят, директор гостиницы представил к Матильде Феликсовне двух полицейский в штатском, которые сидели за соседнем столиком, всё время ходили за ней, точно привязанные. Словом, были на высоте, и с диадемой ничего не произошло.

Гастроли начались очень хорошо по мнению Дягилева и весьма средненько по воспоминаниям самой Кшесинской. Она привыкла, что её встречают восторженно, и теперь не желала опускать планку. Желая произвести наивыгоднейшее впечатление, договорившись с Дягилевым, она пригласила находящегося в то время в Лондоне скрипача Михаила Эльмана¹⁶, который приехал на спектакль и проиграл адажио из балета «Лебединое озеро». В результате Кшесинская заслужила оvation, невольно затмив самого Нижинского, после чего последний всерьёз обиделся на знаменитую партнёршу. «Он устроил Дягилеву сцену ревности, грозил, что больше не выступит со мною, и говорили даже, будто он рвал от злости на себе костюм. Но Дягилев обладал замечатель-

---

¹⁶ Михаил (Миша) Саулович Эльман (8 (20) января 1891, Тальное, Киевская губерния – 5 апреля 1967, Нью-Йорк) – российский и американский скрипач.

ным умением не только вызывать скандалы, но и улаживать даже и не такие инциденты, так что скоро всё обошлось, ко всеобщему благополучию. Одна из русских артисток труппы, которая и в Петербурге отличалась тем, что делала мне немало неприятностей, несмотря на мое всегдашнее хорошее отношение к ней, стала приписывать мой успех исключительно тому, что играл Миша Эльман.

Но, когда в следующих спектаклях я танцевала уже без Миши Эльмана и имела такой же громадный успех, ей пришлось прекратить этот разговор».

Прощаясь с Лондоном, Матильда и Андрей устроили для всей труппы и новых друзей русский завтрак с блинами и красной икрой. Для желающих подавалась ледяная водка.

Далее шёл обед в узком кругу. Присутствовали Дягилев, Нижинский, Бакст¹⁷, Бенуа¹⁸, были приглашены некоторые первые артисты местного балета, кроме этого присутствовал знаменитый музыкант и композитор Рейнальдо Ан¹⁹. «По старинному закону рестораны закрываются в Англии в полночь, и за полчаса до того тушат на секунду огни, чтобы предупредить, что скоро надо уходить. Иногда разрешали сидеть в ресторане и после 12 часов ночи, но в таком случае стаканы с вином уносили со стола. Метрдотель подошёл ко мне и предложил, если я хочу, перенести весь ужин в отдельный салон, где мы можем продолжать ужинать, а главное, пить хоть до утра. Он мне объяснил, что мы как живущие в гостинице имеем право нанять отдельный салон, и уже в этом салоне мы считаемся как бы у себя дома. Так мы и сделали, и около 12 часов ночи все перешли в отдельный салон, куда перенесли все бутылки с шампанским, и мы продолжали веселиться до утра».

---

¹⁷ Лев Самойлович Бакст (настоящее имя – Лейб-Хаим Израилевич Розенберг; 27 января (8 февраля) 1866, Гродно – 27 декабря 1924, Париж) – художник, сценограф, иллюстратор и дизайнер, работавший преимущественно в Санкт-Петербурге и Париже. Мастер станковой живописи и театральной графики, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева, один из законодателей европейской моды на экзотику и ориентализм в начале XX века.

¹⁸ Александр Николаевич Бенуа (21 апреля [3 мая] 1870, Санкт-Петербург – 9 февраля 1960, Париж) – русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

¹⁹ Рейнальдо Ан (9 августа 1874, Каракас – 28 января 1947, Париж) – французский композитор, пианист, музыкальный критик, дирижёр и руководитель оркестра, один из наиболее известных музыкантов прекрасной эпохи.

В феврале 1912 года, Кшесинская в составе труппы Дягилева выступает в Вене, где впервые участвует в балете «Призрак розы» с Нижинским. Гастроли пришлось сократить на один день, так как Матильда желала успеть в Петербург к собственным именинам. Наверняка сын готовился к этому дню, и подводить его было бы неправильно. Ребёнок и так слишком часто оставался без матери и отца. Дягилев обиделся, но для Кшесинской его обиды были ничто рядом с возможной обидой Вовы. Вместе с ней из Вены выехала балерина Нестеровская²⁰, чьи именины были на день раньше дня святой Матильды. Из-за аварии на железной дороге и связанной с этим задержки Нина Нестеровская была вынуждена праздновать свои именины в поезде. Желая утешить её, Матильда купила дорожный портсигар, который и вручила расстроенной имениннице. Этот портсигар Нина сохранила во время эмиграции, взяв его с собой.

Немного побыв дома, Кшесинская снова присоединяется к Дягилеву на этот раз в Монте-Карло, прихватив с собой сына. На этот раз Вова ехал как вполне самостоятельный десятилетний молодой человек – Владимир Сергеевич Красинский; по личному распоряжению его Величества мальчику было пожаловано потомственное дворянство и возвращена родовая фамилия, так что в Монте-Карло Вова ехал с собственным паспортом, сопровождающим его воспитателем, а так же в компании Великих Князей Сергея Михайловича и Николая Михайловича. Впрочем, последний и так каждый год ездил в Монте-Карло проигрывать деньги в рулетку.

По дороге Вова традиционно заболел, на этот раз отравился, и тут выяснилось, что в Каннах, куда они приехали, нет ни одного детского доктора, пришлось вызывать врача из России. «Чтобы не подводить Дягилева, я ездила по железной дороге в Монте-Карло на спектакль и ночью возвращалась на автомобиле обратно в Канны. Дягилев всегда волновался в день спектакля, приеду ли я или нет, и телефонировал по нескольку раз в день, спрашивая, как здоровье Вовы. Он отлично понимал, что, если бы наступило ухудшение, я не приехала бы. Как ни трудно мне было в этих условиях выезжать из Канн в Монте-Карло и танцевать, я ни разу спектакля не пропустила и Дягилева не подвела. Но только Бог знает, чего мне это стоило. При первой возможности, когда Вова достаточно окреп, я переехала с ним в Монте-Карло, и мы поселились в “Отель де Пари”».

---

²⁰ Антонина Рафаиловна Нестеровская (Нина; А. Р.) (14 марта 1890, Петербург – 7 марта 1950, Париж) – русская балерина, в эмиграции – жена князя императорской крови Гавриила Константиновича.

Новое горе

По окончании гастролей Матильда с сыном и мамой перебралась на дачу в Стрельне. Имение отца Красницы было продано вскоре после его смерти. Не желая их слишком стеснять, мама попросила снять для неё дачу по соседству, где и жила с прислугой, а после, когда её хватил удар, ещё и с сиделками.

Лето прошло тревожно, а тут ещё Андрей где-то подхватил сильнейший бронхит, так что врачи велели ему провести зиму в Крыму. Перед Матильдой встала непростая задача, остаться с прикованной к постели и, казалось бы, ничего не понимающей матерью, или отправиться вслед за любимым человеком. Врачи уверили её, что мать может оставаться в таком состоянии годы, и нет никакой причины всё время сидеть подле неё. С другой стороны из Крыма она могла вернуться по первому зову. Дорога заняла бы двое суток.

С собой Кшесинская взяла всю прислугу, так что пришлось заплатить за целый спальный вагон. Андрей тоже ехал с эскортом, так как из соображений приличий, им следовало поселиться в разных домах, а значит, Матильде нужно было обеспечить себя всем необходимым, не надеясь на то, что за неё это кто-то сделает. «Моя дача в Новом Мисхоре была, хотя и старенькая, с керосиновыми лампами, но уютная и чудно расположена среди обширного сада. Рядом был теннис, где Вова мог играть. Мы жили очень скромно и тихо, знакомых кругом почти не было. Но зато я наслаждалась прогулками по окрестностям, которые прямо очаровательны своей живописностью и чудными видами на море. Я воспользовалась пребыванием в Крыму, чтобы съездить в Ливадию и осмотреть старый Ливадийский дворец, в котором жил и умер Император Александр III. Я видела ту комнату, где скончался Император, комнаты Императрицы Марии Фёдоровны и комнаты моего дорогого Ники, где он столько лет жил, будучи ещё маленьким, а потом уже взрослым, вплоть до дня, когда он, ещё таким молодым, вступил на престол, 26 лет».

В начале ноября Матильде пришлось вернуться, так как врачи начали опасаться за жизнь её мамы. «Маля, ты совсем меня забыла». Встретила она примчавшуюся к ней дочь. Перед смертью она снова обрела дар речи, и теперь стало понятно, что врачи ошиблись, паралич не коснулся мозга, она всё прекрасно чувствовала и понимала, а значит, оставлять её было страшной ошибкой!

Вскоре Юлии Кшесинской старшей не стало, и Матильда преврала свою артистическую карьеру, предавшись новому горю.

Тем не менее, несмотря на решение Матильды Феликсовне не участвовать в новом сезоне, ей пришлось станцевать в балете бенефисе «Конек-Горбунок», так как её участие гарантировало сборы, следовательно, если бы её не было, актёры не могли уже рассчитывать на полные залы, а ведь все знают, что деньги с бенефисов идут бенефициантам. На этот раз бенефициантами был коллектив кордебалета, и Кшесинской пришлось бы подвести слишком много народа сразу. Бенефис состоялся 10 декабря 1912 года. В последнем акте «Конька-Горбунка» Матильда танцевала «Русскую» на музыку Чайковского. Больше в этом сезоне она не выступала, все балеты с участием Кшесинской были сняты с репертуара.

Ничего удивительного, что вскоре один из балетов в котором прежде блистала непревзойденная Кшесинская, а именно «Дочь фараона» был восстановлен с Павловой в главной роли.

В 1914 году Павлова в последний раз приехала в Россию, привезя с собой «Дочь Фараона», который она хотела показать Матильде Феликсовне: «Как умная артистка, она понимала, что этот балет не для неё. Конечно, испортить его она не могла, но и сорвать большой успех тоже. Она очень хотела, чтобы я её посмотрела в этом балете. Из-за траура я в зрительный зал не ходила, но согласилась посмотреть на неё из-за кулис, где она очень трогательно приготовила мне в первой кулисе стул с коробкой конфет, Павлова очень боялась танцевать “Дочь фараона” в моём присутствии, отлично зная, что это был мой сильный балет. Она прекрасно справилась со своей ролью, но особого успеха не имела».

Февраль 1913 года. Справлялось Трёхсотлетие Дома Романовых, Кшесинской предложили выступить в нём, в опере «Жизнь за Царя», во втором акте, нужно было станцевать мазурку. Отказываться от участия в парадном спектакле было, мягко говоря, не принято, эти спектакли носили совершенно особый, высоко торжественный характер, публика на них не допускалась, присутствовали только лица по приглашению от Двора. В этот юбилейный день спектакль был дан в присутствии Государя, двух Императриц, всей Царской семьи и всего сановного мира.

2 февраля 1914 года состоялся бенефис кордебалета. Давали балет «Талисман», в котором после долгого перерыва снова блистала Кшесинская. 9-го она участвовала в бенефисе Н. Легата. Был выбран балет «Эсмеральда». Важнейшая роль для Матиль-

ды, выстрадавшая. Впервые Николай II увидел Кшесинскую в этой роли именно 9 февраля 1914 года. «Я всегда танцевала этот балет с большим увлечением и всею силой души переживала судьбу несчастной Эсмеральды. Но в этот вечер, когда я играла впервые для Ники, я переживала мою роль всем сердцем и душой. Сцену ревности на балу, когда Эсмеральда с Гренгуаром танцуют перед Фебом и его невестою, я провела с таким подъёмом, как будто решалась моя собственная судьба. Я играла и танцевала со слезами на глазах. Я чувствовала, что в этот вечер среди зрителей были такие, которые меня понимали и переживали всю драму вместе со мною. Мне было только бесконечно грустно, что я так и не узнала, какое впечатление я произвела на Ники, так как Великий Князь Сергей Михайлович был в отъезде и потому не пришел в театр, а Ники всегда ему говорил, как он меня нашёл».

После Кшесинская выступила в «Спящей красавице» и уехала с Андреем в Кап-д'Ай, где в прошлую зиму они купили виллу. Новый свой дом Матильда назвала «Алам», если перевернуть название и прочитать наоборот, получится её детское имя Мала.

За время их отсутствия был заново выстроен новый нижний дом, и теперь хозяева должны были принять выполненную работу. «Новый нижний дом был двухэтажный: в верхнем этаже было шесть жилых комнат, из которых четыре с видом на море, для гостей, для адъютанта Андрея – Кубе²¹, для доктора Маака и для камердинера Андрея – Леднева, и две с окнами под потолком для прислуги и две уборные. Внизу – обширный гараж, квартира для шофёра, прачечная и котёл центрального отопления. Крыша нового дома служила продолжением террасы нижнего сада. Когда всё было готово, и последний рабочий покинул виллу, мы для освящения дома пригласили из Канн нашего старого друга, отца Григория Остроумова, который отслужил молебен, обошёл весь дом и окропил все комнаты Святой водой. Это было настоящим новосельем на вилле “Алам”. Потом я всех угостила Великолепным завтраком, и все присутствующие расписались в новом альбоме, специально заказанном для виллы “Алам”, который сохранился у нас на память. На первой странице альбома так и значится рукою Андрея: “27-го февраля (12-го марта) 1914 года День освящения виллы”».

---

²¹ Фон Кубе Федор Федорович (1881–1919). В 1918–1919 в Кисловодске при вел. кн. Андрее Владимировиче и его матери – вел. княгине Марии Павловне.

Война. Лазарет Кшесинской

Летом в Стрельне, они отпраздновали день рождения Вовы. И, как пишет сама Матильда Феликсовна: «Этим праздником закончилась наша мирная, весёлая, беззаботная жизнь», так как началась война, которая вскоре получит название Первой Мировой.

Последний раз Кшесинская танцевала в присутствии Государя, своего любимого Ники в Красносельском театре. «Когда Государь уезжал из театра, как и двадцать лет тому назад, я стояла у окна своей уборной. Тогда я была молоденькой влюблённой девушкой, я ждала его появления верхом у подъезда, а по окончании спектакля провожала его у окна глазами, полными от слёз радости, мечтая о следующей с ним встрече.

Когда Государь покидал театр, вид у него был грустный и озабоченный. В первом антракте были получены тревожные сведения о возможности войны. По обыкновению все заходили ко мне в уборную. Настроение было удручённое, хотя все надеялись, что мировой конфликт будет избегнут. Стояла я в тот день у окна, погруженная в грустные мысли. Что будет со всеми нами, я волновалась за жизнь близких и дорогих мне людей, в особенности за Андрея, который должен был идти на войну. Не приходилось мне волноваться лишь за моего сына, он был мальчиком, и взять его не могли». В ту пору Вове только что исполнилось 12 лет – возраст действительно не призывной.

На следующий день началась подготовительная мобилизация, потом была объявлена полная мобилизация, а через два дня началась война. Один за другим уходили на фронт знакомые и друзья, в конце сентября уехал и Андрей, он должен был находиться при штабе Северо-Западного фронта. Не поехал только Великий Князь Сергей Михайлович, так как в своей последней инспекционной поездке по Сибири заболел суставным ревматизмом.

Меж тем в Петербурге начали открываться лазареты, в которые каждый день поступали раненые. Желая сделать что-то полезное для победы, Кшесинская тоже открыла свой частный лазарет. Сняла квартиру на Каменноостровском проспекте, купила туда 30 кроватей. На первом этаже размещались палаты для больных, на втором помещения для персонала. «Я не жалела средств на его устройство, в нём были две операционные комнаты и три палаты для раненых по десять кроватей в каждой. Я привлекла лучших врачей, которые каждый день посещали лазарет. Постоянный штат состоял из одной старшей сестры, двух сестёр

и двух санитаров и повара Сергея, который начал у меня поварёнком и к этому времени был помощником моего главного повара».

Разумеется, Кшесинская не присутствовала на операциях или перевязках, так как понимала, что всё равно не сможет помочь. Вместо этого она узнала адреса семей находящихся в её лазарете раненых и посылала им подарки и узнавала, не может ли чем-нибудь помочь. И ещё, желая развлечь и ободрить своих подопечных, она устроила большой праздник и танцевала перед ними с Орловым и Стуколкиным²² в театральных костюмах.

Несмотря на войну, гастролы продолжались, что называется по расписанию: Ревель, Гельсингфорс, Киев. Затем двухнедельная поездка по России (Москва, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Баку и Тифлис).

По возвращении она убедилась, что некоторые раненые из её лазарета окрепли настолько, что их можно вывезти за город, и пригласила несколько человек в Стрельну. В дальнейшем она будет привозить на собственную дачу всё новых и новых выздоравливающих.

В 1916 году Кшесинская отмечала 25-летие своей творческой деятельности. На этот день она попросила себе бенефис, все средства с которого должны были пойти Императорскому Русскому театральному обществу с тем, чтобы те уже передали их в пользу семей артистов, призванных на войну.

Понимая всю ответственность происходящего, Кшесинская выбрала балет «Талисман» и назначила очень высокие цены на места. Несмотря на это, все билеты были проданы, и многие зрители, зная о том, куда пойдут деньги, прислали даже больше. Таким образом, было собрано 37 000 рублей, по тем временам огромная сумма. «Я поместила в газетах заметку, что прошу, ввиду военного времени, не подносить мне цветов в бенефис, но, несмотря на это, я получила массу цветов. Какая-то дама, сидевшая в креслах под моей ложей, где был мой сын, громко выразила своё возмущение по поводу этого множества цветочных подношений. Мой сын довольно резко ответил ей: “Она заслужила”. Заступничество Вовы, которому тогда было только тринадцать лет, всем очень понравилось. Мой бенефис состоялся 21 февраля. Я получила от

---

²² Тимофей Алексеевич Стуколкин (24 апреля (6 мая) 1829 год – 18 (30) сентября 1894 год) – русский танцовщик, артист комедии и водевиля, непревзойдённый мастер пантомимы. Кроме артистической карьеры, преподавал танцы в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга.

публики громадную хрустальную вазу для крошона в массивной серебряной оправе работы Фаберже с такой же массивной ложкой и в тот же вечер за ужином разливала ею всем крошон. Эта ложка сейчас находится у меня, я её нашла в Кисловодске, в магазине случайных вещей, и мне её вернули».

В апреле Кшесинская рискнула впервые танцевать «Жизель». «Я отлично сознавала, что эта роль не для меня, но в то время я была худенькая и воздушная и рискнула исполнить этот балет Главной целью спектакля было собрать деньги в пользу санитарных организаций Великой Княгини Марии Павловны». (...) «Конечно, я не была такою Жизелью, как Анна Павлова, она в этой роли совершенно незаменима, но всё же я имела успех у публики, которая оценила моё доброе побуждение помочь раненым. Зато поклонники Павловой, а с ними и мои личные враги, а их было у меня немало, выступили против меня. Но это меня совершенно не расстроило, я к таким маленьким уколам уже привыкла».

Матильда же решила оказать ещё одну посильную помощь солдатам. Весной 1916 года она поехала на фронт для раздачи подарков. Поездку организовывал Красный Крест. В то время на фронте случилось относительное затишье. «Был чудный, солнечный день, мы ехали полями и лесами. Повсюду были видны следы недавних боёв, ямы от снарядов и кресты над свежими могилами». (...) «С утра следующего дня меня повезли осматривать расположение фронта корпуса. По дороге мне сперва показали проволочное ограждение, потом на опушке леса замаскированную батарею и отдельно расположенное дальнобойное орудие, так тщательно замаскированное, что, даже близко подъезжая, ничего не видишь. Рядом лежал неразорвавшийся снаряд под охраною часового, чтобы его не трогали, пока не взорвут. Далее мы подъехали к церкви, очевидно, попавшей под обстрел и пострадавшей от снарядов. Кругом неё были видны следы воронок. Офицеры мне объяснили, что в обеденное время, примерно от 12 и до 2 часов, немцы отдыхают, обедают и не стреляют, так что мы временно были в безопасности. Молодые офицеры, видя, с каким интересом я их про всё расспрашиваю, захотели повезти меня ещё ближе к фронту, чтобы я могла взглянуть на неприятельские окопы, но корпусный командир категорически запретил это, сказав, что отвечает за мою безопасность. В утешение мне позволили пройти за церковь, откуда я могла ясно видеть немецкого солдата, мирно разливавшего взад и вперёд на противоположном берегу речки. Всё это теперь у меня в памяти как во сне».

Меж тем, командование решило не привозить больше раненых с фронта в столицу, и, попрощавшись с последними выздоравливающими, Кшесинская объявила о закрытии лазарета.

«Это известие повергло моих раненых и весь персонал служащих лазарета в полное уныние, но для меня принять это решение было ещё грустнее, так как я всю душу вложила в это дело. Самым тяжёлым моментом было закрытие лазарета. По этому случаю отслужили молебен, и все плакали, почти два года существовал лазарет, за это время весь персонал тесно сроднился, и расставаться было тяжело. После молебна я в последний раз обошла все палаты, чтобы проститься с ранеными, которые в этот же день покидали мой лазарет, их переводили в другие. За мною шли все служащие. Старший санитар Шабанов в каждой палате обращался к раненым со словами: “Ну, братцы, я начинаю, а вы за мною”, и, становясь на колени, клал мне земные поклоны. Все раненые следовали его примеру, становились, кто как мог, на колени, с костылями и повязками, и с трудом, но клали мне земные поклоны. И это повторялось в каждой палате. Это так запечатлелось в моей памяти, что и теперь, когда я хочу всем предложить что-либо сделать, то я говорю: “Я начинаю, а вы все за мною”. По окончании молебна всех раненых развезли по разным лазаретам, но это не порвало моей связи с ними. От многих я получала потом благодарственные письма».

Продолжение следует